

Михаил Окунь

Уже хорошо! (сборник)

Михаил Окунь

Уже хорошо! (сборник)

«Институт соитологии (ИС)»

2016

Окунь М.

Уже хорошо! (сборник) / М. Окунь — «Институт соитологии (ИС)»,
2016

ISBN 978-5-04-002077-5

Сборник коротких рассказов, героями которых являются реальные личности – писатели, артисты, обычные люди, с которыми сталкивался автор. Читателя ждет нескучное чтение.

ISBN 978-5-04-002077-5

© Окунь М., 2016
© Институт соитологии (ИС), 2016

Содержание

От автора	5
Уже хорошо!	6
Десять «дринков»	7
Галстук	8
Серый костюм	9
Раки	10
Попугай	11
Первый блин	12
Солонка	13
Девушка и чемодан водки	14
Художник	15
Как пишутся стихи	16
Неадекватная реакция	17
Псевдоним	18
Эпиграмма	19
Напряжёнка	20
Поминки	21
Хвост редактора	22
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Михаил Окунь

Уже хорошо! (сборник)

От автора

В пятом номере «Невы» за 2004 год прочитал байку о себе Константина Мелихана¹:

48. ОКУНЬ

Я сказал поэту Михаилу Окуню:

– У Ильи Фонякова есть такая фраза: «Тарту дорог как город утрат».

Миша говорит:

– Блестяще!

Я говорю:

– Это палиндром. Справа налево читается так же.

Миша ответил:

– Ну, это легко придумать.

Что ж, палиндром Фонякова помню, а вот сам факт такого разговора стёрся из памяти. Но раз Костя утверждает... А другая байка оказалась совсем родной:

47. БЕЛЛА АХМАДУЛИНА

6 июня 1999 года великая русская поэтесса, Мандельштам в юбке, Белла Ахатовна Ахмадулина вышла из метро «Канал Грибоедова» и вместе со своим мужем Мессерером двинулась к Малому залу филармонии им. Глинки, где должна была проходить церемония вручения литературных премий «Северная Пальмира». Ахмадулина была в белом платье и белой же шляпке с вуалью.

Какая-то старуха на Невском с корзиной ландышей крикнула им:

– Счастья вам, счастья!

На что Ахмадулина ответила:

– Но если это свадьба, то я жениху не завидую.

Эту историю Мелихану рассказал я. Так уж получилось, что шел вплотную за «звездной парой», и Белла Ахатовна, обернувшись, обратила свою реплику ко мне. Против истины Костя, однако, несколько погрешил: ну, не могла Ахмадулина ехать на метро, – вышли мы из автобуса для участников мероприятия под названием «Всемирный конгресс поэтов», проводившегося в юбилейный пушкинский год. Да и направлялись не в филармонию на вручение, а по более прозаическому делу в другое место: на обед в ресторан «Невский», что на углу Невского и Марата.

Но дело, конечно, не в этом. Публикация в «Неве» подвигла меня собрать свои байки о писателях (впрочем, не только о них), расплывённые по разным изданиям и черновым тетрадям, добавив к ним засевшие в памяти, в один «короб». Его содержимое и предлагаю вниманию читателей.

¹ Константин Мелихан. «Падающие звезды». «Нева» №№ 4, 5 – 2004.

Уже хорошо!

1990 год. Был в Москве в гостях у писателя Славы Пьецуха. Показал только что вышедшую поэтическую книжку — хоть и под одной обложкой с четырьмя другими авторами («братская могила»), хоть и название без моего ведома изменили... Мама Славы начала читать с аннотации: «Родился в Ленинграде...» Взглянула на меня и с чувством сказала: «Уже хорошо!»

Десять «дринков»

Слава Пьецух выехал за границу, кажется, в Марсель – с издателем договор заключать. В первое же утро в гостинице пошел опохмеляться, заказал водку «Stolichnaya». Девушка за стойкой налила ему, как принято на Западе, один «дринк» (двадцать грамм). Слава удивился и попросил добавить. Она добавила еще один «дринк». Слава огорчился и сказал: «Нет уж, сестра, ты налей мне, как положено!» Девушка русский язык навряд ли знала, но Славу поняла. Он выпил свои законные двести граммов и бодро начал трудовой день.

Если учесть, что Хемингуэй считался очень крепким пьяницей, так как мог за вечер выпить в баре аж восемь «дринков» и не валился с ног, то что тут можно добавить?

Галстук

Из-за границы Слава Пьецух привез два примерно одинаковых галстука, но один стоил раз в пять дороже другого. «В чем тут дело?» – любопытствовал я. Слава со знанием дела объяснил: «Видишь эту бирку? – она указывает на то, что вещь очень модная». Действительно, к одному из галстуков впереди на видном месте была пришпандорена какая-то лейбла, которая будто сама напрашивалась, чтобы ее спороли. Позже, подвыпив, Слава признался: «Чуть прямо в магазине ее не срезал – спасибо, продавец остановил».

Серый костюм

Встретились со Славой Пьецухом в вестибюле ЦДЛ. Слава был в двубортном сером с отливом костюме. Внезапно в дверях появилась девушка с бледным лицом и широко раскрытыми черными глазами. Слава спрятался за меня. Когда девушка прошла, я с понимающим видом ухмыльнулся. Слава заметил это и сказал: «Нет, тут всё сложнее. Она когда видит меня в этом костюме, сразу в обморок падает. От восторга».

Раки

Слава приехал в Петербург, остановился на квартире знакомых у Кузнечного рынка. Вместе со мной в гости туда напросился молодой поэт Леша Ахматов – познакомиться со столичной знаменитостью.

Закуски оказалось совсем мало, и Ахматов вызвался сбегать в магазин. Вместо ординарной «Докторской» притащил с Кузнечного целлофановый пакет, полный живых раков. Славе это очень понравилось – любил он неординарные поступки. Видимо, это генное – известно, что отец его выстроил в Подмоскovie дом из бутылок (пустых, разумеется).

Когда подвыпили, Ахматов принялся читать свои стихи. Слава уставился в окно, на двор-колодец. Я тихо сказал Леше: «Не порти впечатления».

Попугай

Как-то раз затащил Славу Пьецуха во время его приезда в Ленинград на выступление в кафе «Сонеты» неподалеку от Невского. Кафе было молодежное, безалкогольное (шел 1986-й год), с «культурной программой», которую мы и были призваны осуществить. У входа стояла толпа, нас встретили, провели, как сквозь строй. Какая-то девушка схватила меня за руку, умоляюще попросила: «Возьмите меня с собой!» До сих пор жалею, что не сжал эту руку...

Слава с воодушевлением прочел один из своих лучших рассказов – «Попугай», имевший всегдашний успех на публичных чтениях. В ответ – молчание, полное отсутствие реакции. Трезвая молодежь ждала музыки, танцев, а главное, возможности втихаря разлить принесенное с собой.

Настала моя очередь выступать. Я встал, взял у Славы рукопись и объявил:

– Читаю рассказ «Попугай» еще раз!

Первый блин

Мосфильмовский режиссер Валя М. внешность имел вполне тевтонскую и любил, чтобы его называли Вальтером. Хотя в то же время утверждал, что состоит в дальнем родстве со Львом Толстым.

Валя долгое время был вторым режиссером на различных фильмах, но наконец ему дали снять свой фильм. Он оказался неудачным, хотя тема была актуальной – бывший воин-афганец не находит себя в мирной жизни и уходит в преступный мир. И даже лучший друг Вали Слава Пьецух на худсовете Мосфильма его не поддержал, заявив: «Не понимаю, как такой талантливый человек мог снять такой плохой фильм!»

Солонка

Через некоторое время после досадного провала Валя появился в Питере – опять же вторым режиссером, на этот раз фильма об адмирале Невельском – какие-то сцены балов нужно было доснять во дворцах. Пригласил в гостиницу «Россия». В компании была красивая местная девушка из тех, что всегда трутся около киногорупп.

Наутро Валя позвонил и нетвердым голосом сообщил, что ночь провел в милиции, а сейчас отпущен под подписку. Девушка оказалась несговорчивой и опытной – вызвала ближе к ночи милицию, показала разорванную блузку. «В общем, попытку изнасилования шьют. – Резюмировал Вальтер. – Давай встретимся, выпьем, а то денег совсем нет».

Посидели в незатейливом ресторанчике без специального названия (просто «Вечерний ресторан») на углу Некрасова и Литейного. Валя был в угрюмом настроении. Внезапно ожесточенно развинтил солонку, брезгливо отбросил в сторону колпачок с дырочками, полез за солью пальцами: «Не для того меня цивилизация десять тысяч лет пестовала, чтобы я не имел права руками соль брать!»

Девушка и чемодан водки

Однажды Валя М. отомстил Славе Пьецуху за двуличный отзыв о фильме на худсовете. Позвонил в Ленинград одной девушке, влюбленной в Славу, и сказал, что тот без нее просто погибает и хочет непременно видеть. Бросай всё и приезжай, человека спасать надо! Но и добавил при этом, что в Москве сейчас совсем обалдели с горбачевским «сухим законом», а у вас там в Питере, мол, полегче, недурно бы с собой захватить.

Влюбленная девушка с чемоданом водки явилась в Москву. А Слава Пьецух в этот период, во-первых, был в полной завязке, во-вторых, ни под каким предлогом не мог вырваться из семьи, а в-третьих, выполнял какую-то сверхсрочную работу. То есть не нужны были ему ни девушка, ни водка, и Валя об этих трех пунктах прекрасно знал. И, таким образом, получил под свою опеку огорченную и не пристроенную в Москве девушку, а в свое распоряжение – чемодан ленинградской водки впридачу.

Художник

Как-то раз три дня подряд бражничали в Москве на квартире у одной милой женщины, редактора «Московского рабочего», и, кстати, внучки одного из ближайших соратников Сталина, – внешнее фамильное сходство прослеживалось весьма явно.

Дом был номенклатурный, располагался на площади Моссовета, вход от хвоста коня Юрия Долгорукого. Внизу, в подъезде, сидел вахтер, и по старой памяти спрашивал иногда, кто к кому идет.

На четвертый день, вывалившись с компанией на лестничную площадку, увидел на двери напротив начищенную медную табличку с витиеватыми буквами: «Художник Налбандян». Я опешил: тот самый! – Сталин, Брежнев... Перед глазами поплыла череда репродукций из старых «Огоньков». Наверное, подумалось, у заслуженного мастера официального портрета обязательно должны быть штуки типа тех, которые когда-то имелись у провинциальных фотографов: вставляешь физиономию в отверстие – и вот уже скачешь в черкеске на вороном коне по горам Кавказа с похищенной красоткой через седло. И я, и я страстно желаю быть запечатленным в строгом френче генералиссимуса или в белом парадном кителе маршала!

Несмотря на уговоры сопровождающих лиц, я позвонил в дверь раз, другой. Художник не открыл.

Как пишутся стихи

Вышли с поэтом Л. из квартиры, где он только что вдрызг разругался из-за пустяка со своей хорошей знакомой. «Зачем ты так?..» – спросил я. «А чего она?..» – ответил он. А потом что-то забормотал себе под нос. Я прислушался: «От обиды ли, от либидо...» «Уже оформляет» – понял я.

Неадекватная реакция

Поэт Т. звонит своей знакомой художнице:

– Аллочка, вроде бы я вчера у Сноховичей набедокурил? Матерился, опрокинул что-то? А то очень смутно...

– Да что ты, Миша, этим людям в общем-то повезло. Вот в прошлый раз, когда мы выпивали в мастерской у Гали и тебя попросили стихи почитать, ты так распалился, что дверь ногой вышиб и мольберт разнес в пух.

– Господи, и этого не помню!..

Повесив трубку, поэт Т. задумался: «Всего-то стихи почитать – и такая неадекватная реакция!»

Псевдоним

Комиссией по работе с молодыми литераторами при Ленинградской писательской организации руководил поэт Вольт Суслов. А вскоре на мероприятиях, проводимых этой комиссией, стала появляться молодая поэтесса Татьяна Вольтская. Юморист Андрей Мурай поинтересовался: «Это не отсюда ли такой псевдоним?» «Нет, – убежденно ответила поэтесса. – Нет!»

Эпиграмма

В подчинении у Вольта Сулова по ведомству молодых литераторов находился поэт Герман Гоппе – названия его должности не помню, но приходил он каждый день в Дом писателя, сидел в кабинете, курил, поругивал «молодых начинающих», строго уставив в них стеклянный глаз (был он инвалидом Великой Отечественной). А среди молодых своими дарованиями выделялись в то время две поэтессы, две Ирины – Знаменская и Моисеева. А талантливым людям, как известно, позволено несколько больше, чем остальным. Видимо, поэтому в молодежной литераторской среде родилась следующая эпиграмма:

*За двух Ирин, на радость всей Европе
Когда-нибудь получит Вольт по Гоппе.*

Напряжёнka

О том, что работа с молодыми литераторами в те годы велась весьма интенсивно, свидетельствует частушка, приписываемая Вольту Суслову:

*Ты не лезь с любовью, жёнка,
По постели не юли.
Тут такая напряжёнka –
Самого-то за...ли!*

Поминки

Гоппе пьяниц недолюбливал, но сам выпить любил. Одним из его постоянных собутыльников был татарский поэт Риза Халид. Однажды Герман Борисович, находясь уже слегка под мухой, поднялся из писательского буфета в свой кабинет, сел за письменный стол и огорченно сказал: «Опять Риза как дереза!»

Уже неизлечимо больной, Гоппе снова захотел увидеть своих бывших подопечных, молодых (и уже не очень) литераторов. Решил устроить посиделки на дому. Приглашал так: «Приходи на мои поминки!»

Хвост редактора

Первая книга поэта Иры Знаменской выходила в «Совписе» под редакцией писателя Николая Коняева. Когда книга уже вышла, один доброжелатель заметил в ней любопытную слитность: «коня его хвост». И обратил внимание Коняева на «Коняева хвост». Коля сначала немного напрягся, но потом взял себя в руки и сказал: «Так и было задумано».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.